

Литературное Зауралье

ЕЖЕМЕСЯЧНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ГАЗЕТА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И КУРГАНСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ОТДЕЛЕНИЯ "ЛИТЕРАТУРНОЕ СООБЩЕСТВО ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ"
3 (ФЕВРАЛЬ 2019 ГОДА)

Тамара КАЗАЧКОВА,
кандидат филологических наук

*Стихи мои, спокойно расскажите
Про жизнь мою...*
С. Есенин

В ноябре 2018 года библиотека им. Маяковского провела очередную интересную встречу - презентацию книги стихов Любови Андреевой. "Дали бытия". Когда меня пригласили на презентацию, в памяти вспыхнули строки стихотворения, которые я более 40 лет назад переписала из записной книжки своей однокурсницы, тогда уже известной журналистки Любы Безруковой. Стихотворение, написанное рукой автора, видимо, не для печати, не то, чтобы в "минуту злую для нее", но и не самую радостную. Оно нигде не публиковалось и, как я и предполагала, намертво забыто автором. Это показалось интересным всем. Пусть это будет его первая публикация!

Нас с каждым днем
становится все меньше,
Потом и нас постигнет та же участь.
Осталось так немного умных женщин,
Чтоб миру доказать свою живучесть.

Мы по утрам стояли за кефиром,
Без очереди никогда не лезли.
Чтоб юность, беспощадная к кумирам,
Не видела, как жутко мы облезли.

А по ночам, надравшись кофе доотвала,
Не спим и держим ушки на макушке,
Чтоб Муза нам прозренья диктовала!
Нужны ей гениальные старушки.

Я одного простить себе не в силах,
Что в пору слуха ясного и зренья,
Когда "стихотворила" хоть на вилах,
Не написала впрок стихотворенья.

Как я могла не думать о грядущем
И растратить божий дар беспечно -
Теперь пылаю взором завидущим
На девок, чье здоровье безупречно.

Стихотворение "зацепило" тогда и сейчас не разочаровало. Оно - о времени и о себе. О времени - потрясающая "поэтическая экономия": "По утрам стояли за кефиром..." В очередь. Современным людям, брызжащим по поводу несовершенства мира, представить подобное невозможно. Но самое, на мой взгляд, интересное - переполненность чувствами. Самыми разными. Здесь и печаль по поводу быстротечности жизни, и молодая уверенность в принадлежности не только к "умным женщинам", но и к "кумирам", здесь и женское кокетство "как жутко мы облезли" (автору едва перевалило за 30!), самоирония по по-

И Я ШАГАЮ ПО СТУПЕНЬКАМ ОДНОЙ ИЗ ЖИЗНЕННЫХ ДОРОГ

воду "гениальных старушек", и недовольство по-настоящему творческого человека тем, сделано, а "завидущий взор" не более, чем стилистическая фигура. Если бы автор разрушала себя завистью, мы бы не радовались ее очередной книге и не поздравляли бы автора лично.

Первая встреча с Любовью Харитоновной напомнила о многом. Я была молодой учительницей литературы, когда появились ее первые стихи в печати. Меня, выросшую в деревне любительницу поэзии, заинтересовало уже то, что она, поэт, оказывается тоже из деревни, причем не откуда-то из рязанской, например, а из нашей, варгашинской, - рукой подать, что она, как и С. Есенин, с рифмой "схлестнулась" в раннем детстве: "Надо же, Любка-то как интересно говорит - простеньким стихом", изумлялись деревенские ребятишки.

Про то, что вот у тетки Соломеи
Дочурка непутевая растет,
Которой их сосед Алешка Зверев
По вечерам прохода не дает.

Девчонки хохотали до упаду,
А тетка говорила мне сквозь смех:
- Как у тебя словам хватает складу?
Ну, молодец! Ты рассмешила всех.

По приезде в город "на попутной машине с аттестатом, в заштопанной куртке синей" было уже не до смеха: "Город в руки мне дал не перо, а лопату".

Я лопатой бетон достаю,
И бетон под лопатой пружинит,
А потом я его на лоток подаю.
Не легко. Это третья машина.

Увозят его по три тонны в машине,
Мой асфальт.
Он стекает дорогами в город

Мой асфальт.
Вот, наверно, по этой причине
Этот город,
как первый учитель, мне дорог.

Прием парцелляции подчеркивает: действительно не легко, а трудно. Очень. Но девочка-бетонщица не просто борется с неподъемной лопатой, не просто подает "горящий асфальт в вагонетку", она строит город. Это уже не "простенький стишок" про тетку Соломею и ее непутевую дочку - это гордая исповедь поэта-гражданина, гордость своей причастностью к "рабочей реке бесконечной", "каплей" которой она по праву себя считает.

Город благодарит их, рабочих девчонок: "Девчата, я ваш, я по жизни и вы ваш". Рабочая тема широко представлена в творчестве Л. Андреевой: "Я строила панельные дома", "На кладке", "Смена", "Не думала сама я стать поэтом", "Мастер", "Я читаю стихи" и многие другие.

И всюду - активная и благодарная позиция автора, неравнодушного к тому, чем она занимается, и к тому, что ее окружает. Стихи личностные, авторские, обращенные к простым труженикам - "товарищам по оружию".

Мои герои, вот мои герои,
В комбинезонах, с кельмами в руках.
По-моему, лишь тот герой, кто строит,
Кто каждый день стоит на всех ветрах.
Мы строители, нам не впервые бетон
Принимать или землю ворочать.
Только хочется очень, чтоб кто-то потом
Знал, что здесь ты работал рабочим.

Перед нами портрет сильной, пылкой,
азартной, активной, осмысленно действующей героини:

Взлетала "вира", опускалась "майна",
Скрипел мороз веревками тросов.

Мы на карнизе, будто бы случайно,
Стояли без монтажных поясов.

О, молодость рабочего порыва,
О, руки золотые работяг,
О, злая жажда сделать все красивым,
Снести последний на земле барак.

Стихи гармоничны и по звучанию, и по сращиванию содержания и формы. В художественную ткань органично врастают "халаты, ватники, кельмы, краны, табеля, наряды" и так далее. Автор олицетворяет все то, что помогает строить город:

А лебедку сечет неумная дрожь -
Это трос своей силой кичится.
То он, словно бурлак, тянет на гору ковш,
То мальчишкой на ковшике мчится.

Нельзя не почувствовать динамическую мощь действия, благодаря выразительному: сечет, кичится, тянет, мчится. В основе цикла, посвященного нелегкому периоду жизни автора, цикла, исполненного гордости, жизнеутверждения, оптимистического взгляда в будущее, - сложившееся, целостное мировоззрение, пронизанное любовью и мудростью.

Свое место в творчестве Л. Андреевой нашла и любовная лирика. Тема, актуальная для всех времен и народов, но у каждого поэта свой голос, своя интонация, свое "понимание вопроса". Читаешь стихи на эту тему, и сами собой возникают своеобразные параллели.

Общее у женщин-поэтов одно - близость, почти адекватность автора и лирической героини. У Л. Андреевой это вообще одна из особенностей творчества: "Я много лет работала на стройке... Я строила панельные дома" и так далее. Любовная лирика у нее немногочисленная, но у нее тоже свое лицо, свой голос. Она сдержанна, интеллигентна, непрозрачна. В любви для автора важна духовная связь, общее миропонимание, умение близкого человека гармонично сливаться с природой, для нее рядом понятия: любовь - дружба. Вот одно из лучших, на мой взгляд, стихов на эту тему:

Как мы ходили, как сидели,
Как сосны по верхам шумели
В одном их царственных боров.
Ты нес в ведре таких пригожих
Маслят, на солнышко похожих.
Их было много, тех грибов.

И мы не то, чтоб заблудились,
Но где-то все ж с дороги сбились,
Брели куда-то наобум.
И свет прозрачный, предосенний,
И сладковатый запах сена -
Все врачевало дух и ум.

(продолжение на стр. 2)

(начало на стр. 1)

А где-то там, правей немного
Уж ясно слышалась дорога,
Протяжный шум, скрипучий звук.
Нам не хотелось расставаться,
Хотели мы увидеть зайца
Хоть одного, а лучше двух.

И вдруг заметил ты не ветке,
Чуть-чуть светлей твоей барсетки,
Сидела белочка, она
Хвостом пушистым сук прикрыла,
На нас взглянула и забыла,
Как будто здесь была одна.

Нам это показалось странным,
На удивленье первозданным
И мы притихли, не дыша,
Боялись этот миг нарушить,
Когда ее и наши души
Вдруг стали, как одна душа.

Стихи на эту тему, как правило, о любви,
которая б ы л а, как у А. Ахматовой, у М.
Цветаевой, потому и естественна у всех ин-
тонация потери, грусти, потому у Андрее-
вой повторяется вопрос: “Почему?”, - но
у нее нет “перебора”: “Уйдешь - я умру!”,
- как у Ахматовой. Есть в ее “Почему?”
пронзительное цветаевское: “Мой милый,
что тебе я сделала?”, - но она не может не-
навидеть ушедшего, разлюбившего. Она не
мечется, как Цветаева: с одной стороны, -
“За все, за все, меня прости, мой милый,
что тебе я сделала”, с другой, разлюбив-
ший ни много ни мало - “волк!”

Прощевай, седая шкура!
И во сне не вспомяну!
Новая найдется дура -
Верить в волчью седину.

Лирическая героиня Андреевой проща-
ется по-другому. Конечно, с болью: “... на
щеке-то что: снег или слеза?”, конечно, с
горькой иронией о “дорогой судьбине”
обращается она к возлюбленному:

Вот и нам обходные пути
Избрала дорогая судьбина:
Мне - растить и воспитывать сына.
Тебе - прежней дорогой идти,

но с полным пониманием:

Там герои идут под венец,
И добро все же зло побеждает -
Это сказки счастливый конец.
В жизни редко такое бывает.

Никаких истерик, она “гордо голову не-
сет, крепкая и сильная” и, “отпуская люби-
мых”, **тихо** говорит, совсем по-пушкин-
ски: “...дай вам Бог любимой быть другим”.

Пусть вас минуют
Все напасти,
Вам только счастья,
Счастья, счастья!

Высочайшая степень гуманизма, поряд-
очности, внутренней силы! Конечно, есть
ноты горечи, боли, трагизма, но она такова: “...
гордая и сильная”. Любовь для нее - это “сол-
нце в крови, это редкостный дар... это души,
как одна душа”.

Редколлегия: Друзья! Это всего лишь треть
статьи Тамары Вениаминовны Казачковой. В
полном объеме материал будет опубликова-
на в альманахе “Тобол” за апрель 2019 года.

1
Кто это смотрит на меня
сквозь звёзды все и все творенья
земные, среди бела дня
и ночью тёмною, всё время?

Закройте же свои глаза,
вы, звёзды, вы, земные твари!
Я наг и жалок, мне нельзя
показываться перед вами!

Что вы увидите? Что я?
Лишь куст засохший при дороге,
что больно колет сам себя
и тех, кто ненароком тронет.

Что я? Лишь слабый уголёк,
не гаснувший и не горящий;
Огонь священный не сберёг,
я скоро буду смешан с грязью.

Да, главное – не труд, а Тот,
Кто трудится незримо вместе
с тобой, не песня, что поёт
певец, а Тот, Кто слышит песню.

Не сон – лекарство от тревог,
дающий бодрость нам и силу,
а Тот, Кто ночью сон стерёт,
пел колыбельную как сыну.

Не та вода, на берегу
что при отливе остаётся,
а та, что в озере... Бегут
согласно волны в блёстках солнца.

Мой век бессмысленный – как та
в песке истаявшая влага,
ни дерева и ни скота
не напоившая во благо.

Не отразившая ничьё
лицо, с прокисшей мутью лужа,
и ни прудом, и ни ручьём
не ставшая... Зачем я нужен?!

О, тварь земная, о, звезда
небесная! Я – горстка пепла
души, сгоревшей от стыда
в плену телесном, словно в пекле.

К чему вам на меня смотреть?
Уж лучше взгляд направьте мимо!
Я – ваша скорбь, я – ваша смерть,
я – горечь всех страданий мира!

О, Господи! Тебя молю!
Свой плат, что ангелами вышит,
спусти на голову мою,

Из «Молений на озере» Святителя Николая Сербского

(поэтическое изложение)

на грудь мою, что еле дышит!

О, Милосердный, только Ты
способен исцелить – любовью,
укрой меня, чтоб наготы
своей я не стыдился боле!

И дай мне сил, дабы Твою
я наконец исполнил волю,
всех жаждущих я напою
тогда Твоей водой живую!

2
Сколь светел и велик Всевышний!
Миры роятся вокруг Тебя,
как пчёлы вокруг цветущей вишни,
друг друга в жадности тесня.

И, полноты Твоей разливом,
Неисчерпаемая Сладость,
питаюсь, – спорят горделиво,
и над Тобою делят власть.

Все пресыщаются, и всё же
не могут голод превозмочь.
И рой людской, пресытятся, тоже –
всех голодней – уходит прочь.

Не от того ль, что ждёт и ищет
не то, что нужно, человек,
не той питается он пищей,
какую Ты ему нарек?

Но лишь напрасно силы тратит,
чтоб у червя листок отнять.
Того листка надолго ль хватит?
Сглотнул – и голоден опять.

Цветов благоуханных чаши
нектара чудного полны.
Но только зря Твой мёд сладчайший
сочится в вечный день весны.

3
Замечается только то,
что встаёт на пути преградой.
Ты ж, как воздух, мой Бог, как ток
бесперывной любви и лада.

Редкость сразу приманит взор,
а того, чего слишком много –
словно нет. Не объять простор.
Также трудно поверить в Бога.

Рыба в озере, крот в земле,
птица в небе, – живут не зная,
где проходит их жизнь, зане
их среда без конца и края.

Знают ли, что вода – вода,
почва – почва, а небо – небо?
Им задумываться – когда?
Им бы только тепла да хлеба.

Так и наш человеческий род,
озабочен извечно тем лишь,
как набить поплотней живот
и скорей возвратиться в землю ж.

Как прискорбен сравнений ряд:
птицы, рыбы, кроты и люди!..
Словно сном беспробудным спят,
и ничто их уже не будит.

А, когда Ты, Господь, встаёшь,
чтобы солнце зажечь над миром,
пробегаешь лишь злая дрожь
по их мятым и сонным минам.

Слишком ревностно служишь Ты
им, Твоим нерадивым слугам.
Слишком много им доброты
уделяешь не по заслугам.

Слишком часто прощаешь им
незаслуженные обиды, –
им, живущим трудом Твоим
неоплаченным и забытым.

Слишком любишь Ты их, Господь,
наделивший душой бессмертной
их, свою возлюбивших плоть,
падших в гордости непомерной.

О, ленивые их сердца!
О, их души темнее ночи!
О, не видящие Отца,
их слепые, пустые очи!

О, зачем же они так злы,
в богохульстве своём привычны?!
Но от тщетной людской хулы
только выше Твоё величие!

4
Ещё немного, ещё чуть-чуть,
и трудный мой закончен будет путь.
ещё немного поддержи меня,
не дай с пути свернуть
в потёмках без огня.

К Тебе чем выше, тем всё сильней
пугает бездна глубиной своей,
и тянет – словно бы магнитом – вниз,
и эхо прошлых дней
зовёт меня: «Вернись»!

И только вера в Тебя, Господь,
мне помогает страх свой побороть.
Ещё немного поддержи в пути!
Пусть иссечется плоть,
Душа – должна дойти!

5
Пролил Ты свет во мраке, Господи:
явились формы и цвета.
Склонился Ты лицом над бездною –
преобразилась пустота.

И отразила красоту Твою.
И мир узрел Твой ясный лик.
Так отражают воды озера
светило, лодку и тростник.

Но будет ли всё также зеркалом
тогда бездушное стекло,
когда никто в него не смотрится,
и мглой его заволочло.

Взгляну на озеро полночное,
когда ни солнца, ни луны, –
тотчас овеет душу холодом
тьма первозданной глубины.

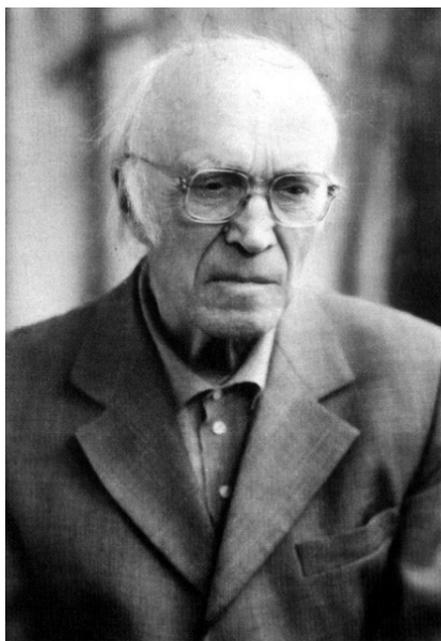
Так в мире всё – от света звёздного
и до безвестного цветка,
неизреченно и бессмысленно,
бесцветно, призрачно, пока

не озарится светом истинным
от взгляда, Боже, Твоего;
пока не сменит ночь кромешную
благое утра торжество.

Сергей ПЕРУНОВ,

3-6 февраля 2017 года, Шадринск

25 января в городской библиотеке имени В. Маяковского состоялся вечер памяти писателя. Добрыми словами его современники, члены писательской организации, родные, гости вечера помянули и оценили славный жизненный путь одного из пяти создателей Курганской областной писательской организации. Вечная ему память!

Из партийной характеристики на Еловских В.И., члена КПСС с 1941 года, партбилет № 03758370

водителем комсомольской политсети района, внештатным лектором, внештатным редактором радиовещания, уполномоченным района в колхозах. Позднее его избирали депутатом Тюменского городского Совета депутатов трудящихся. В ВПШ при ЦК КПСС он был старостой группы, а являясь председателем областного радиокомитета – членом бюро, зам.секретаря первичной парторганизации управления культуры и консультантом по политэкономии.

В первые годы после создания в Кургане писательской организации выполнял обязанности пропагандиста политкружка и уполномоченного Литфонда СССР.

В настоящее время аккуратно и добросовестно (в силу своего возраста) выполняет отдельные партийные поручения. Член Союза писателей и Союза журналистов СССР. Выпустил в восьми издательствах десятки книг (очерки, повести, рассказы), печатал публицистические материалы в журналах 12-ти наименований.

В.И. Еловских характеризуется только с положительной стороны. За время пребывания в КПСС не имел ни одного взыскания.

Характеристика утверждена на партийном собрании парторганизации 24 декабря 1985 года.

Секретарь партийной организации Курганской писательской организации В.М. Спичкин

Еловских Василий Иванович прошел большой жизненный путь от рабочего до руководителя областных организаций в Тюмени и советского писателя. Участвовал в Великой Отечественной войне в качестве командира стрелкового взвода. Майор запаса. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями. В 1951 году Тюменский обком КПСС направил его, как редактора одной из лучших районных газет области и активного общественного на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, которую он закончил в 1954 году.

В прошлом тов. Еловских вел активную общественную работу. Например, в селе Ярково Тюменской области был членом бюро райкома партии, пропагандистом кружка по истории КПСС, руко-

Изданные книги писателя

- Первая рыбалка. Тюмень, Тюменское книжное издательство, 1956
- На поиски Вали Лосевой. Тюмень, Тюменское книжное издательство, 1958
- Рядовой Воробьяв. Тюмень, Тюменское книжное издательство, 1959
- В походе. Пензенское книжное издательство, 1960
- Трудное поручение. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1960
- Нина. Москва, изд. «Советский писатель», 1963
- Первые дни. Москва, изд. «Советский писатель», 1963
- Молчунья. Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1964
- Высокие тополя. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1966
- На сибирском тракте. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1968
- Крепость на Пристанской. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1971
- На землях Зауралья. Москва, изд. «Колос», 1972
- Тепло земли. Москва, изд. «Современник», 1975
- Четверо в дороге. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1978
- В родных местах. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1981
- Дом с мансардой. Москва, изд. «Советский писатель», 1982
- Вьюжной ночью. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1986
- Дальняя дорога. Москва, изд. «Советский писатель», 1987
- Гудки зовущие. Москва, изд. «Современник», 1989
- Старинная шкатулка. Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1989
- Кержачка. Курган, 1992
- Пути-дороги. Курган, изд. «Грани», 1993
- Спецпереселенцы. Курган, изд. «Парус-М», 1993
- Зеленая дека. Курган, изд. «Грани», 1994
- Неудачный уполномоченный. Курган, изд. «Грани», 1994
- Тихий всплеск. Курган, изд. «Грани», 1995
- Два корабля. Курган, изд. «Грани», 1996
- Девочка у рынка. Курган, изд. «Реформа», 1997
- Лесная встреча. Курган. Частное предприятие. 1999
- Успехи неудачи Астера Ронура. Курган, 2000
- Синие дали. Курган, 2001
- Невесты. Курган, 2002
- Тихие волны. Курган, 2002
- Человек из подвала. Курган, 2003
- О времени, о людях. Куртамыш, 2004

27 сентября 1989 года Газета «Советское Зауралье»

Валентина ФЕДОРОВА

ПОД МОЛОТОМ

(о повести В. Еловских «Спецпоселенцы» в журнале «Наш современник», 1989 год, № 8)

Жила-была хорошая семья под голубым донским небом. Семья дружная, работающая, кормившаяся от земли в степной станице, благоухавшей весной вишневыми садами. Небольшая семья, всего четыре человека: отец, мать и два их отросточка – дочка Катя да Любонька. Хорошо жили, своими трудами жили. Это – в прошлом, вроде бы недавнем, но безвозвратно отрезанном какой-то лютой силой, и от этого таком далеком. Рукой не достать и глазом не донести. Только воспоминания долезают оттуда, согревая на далеком севере Сибири уставшие и застывшие души спецпереселенцев.

Настоящего будто и нет. То есть, оно есть, но очень зыбкое, неопределенное. От него путь в никуда, в смерть. На пути в никуда и представляет своих героев В. Еловских читателям. В полукilометровом обозе семья донских казаков Болдыревых уместилась на одних санях. Не дом, не крепость, но свой кружок, в котором сохранились любовь друг к другу, забота. Теплится еще надежда на будущее А что, и в Сибири люди живут, работать же – не привыкать-стать.

Но сказано, великий перелом. Все переломилось и переломалось. Главная героиня – десятилетняя девочка Катя не может осмыслить, что происходит. Да и взрослые приходят в тупик, пытаются понять, что делается, что творится, за какие грехи такая мука, за что рабочего человека, всю жизнь державшегося за черномозем, срывают вихрем с места и гонят, как волка в загоне. Этот тяжелый вопрос осел на посеребривших лицах налетом угрюмости, вдавил уставшие глаза, обведя вокруг них темные круги. За что? Было-то у «кулака» две лошади да одна корова. Дом был еще большой. Из кирпича. Три комнаты и кухня. Да еще собака. За что? Почему?

Долго бы, наверное, не верили в местах высылки спецпереселенцам. Но жизнь дала такие обороты, что самые дикие несуровности стали и здесь явью. В деревушке, куда занесло девочку, женщины доверчиво размышляют о нелепости раскулачивания своего односельчанина: «И с одной лошастью раскулачивают»...

Заслуга писателя в том, что он показал какую-то испуленно-смерчевую стремительность наступления на хлеботороба. Не успев оглядеться, подготовиться к переменам в судьбине, обдумать жизнь, крестьянин оказывается подмятым необъятной стройкой неведомого нового мира, переломанным. Еще вчера он верил, что земля – крестьянам, мир – хижинам. Сегодня даже семья не знает, куда увезли. Да и семье-то нет места в родных местах. Гонят ее в огромном обозе все дальше, дальше – на северо-восток.

За внешней простотой повествования встает жестокая и страшная в беспробудной обыденности жизнь одного из районов спецпоселений на Косье. Бараки были жалкие и убогие. Оконца темны и немые. Входная дверь распахнута. Тихо. Мертво. За поселком только лес и болота. Дальше дороги нет. Нет в прямом смысле и в метафоре. Здесь перевоспитывается так называемый классовый враг, пере-

ковывается. Между молотом и наковальней. Мастеров перековки в повести нет. Есть только подмастерья, вооруженные идеями, приказами, лозунгами мастеров. В проводимом разрушении крестьянства у них свой резон. Во-первых, кто был никем, тот стал всем. И главное – без труда, без усилий, без раздумий. Как будто мир перевернулся, и подмастерья оказались наверху. Можно и развернуться восточнее: ломать – не строить, ума не надо. Во-вторых, можно и свое непутевое хозяйство укрепить. Глядь, а уж чужой рубанок и кое-что из «кулацкого» дома под крышу подмастерья перековывало. На то власть дана, чтобы на лавке не лежала. Подмастерья действуют наганом и блудливым трескучим словом. «Изначтожили работяг, а лодырей и болтунов оставили», – выносит свой приговор антикрестьянской политике один из героев повести, тоже спецпереселенец, Михаил.

Спецпереселение не только сводит в могилы без крестов, но и отрывает спасшихся от исконных корней, убивает тягу к привычному крестьянскому делу, разрушает накопленный в веках опыт. Вывезли бедолаг-земледельцев ранней весной. Им бы пахать и сеять. Пора подоспела. А вместо этого долгий путь в холод и снег. Чуть пригрело, сошли снега, подсохла земля, «кулаки» и в новых местах принялись нянчить ее на руках, сажать и сеять. Только управились, снова собирайся в путь, оставляй то, что заботливо определили в землю. И снова, хоть глазками, да сажали картошку. Отрывали от детей, но сеяли. Когда еще разок сорвали сосланных с места и спровадили подальше на восток, желания работать на земле поубавилось. К тому же и семян не было. Впереди – гибель.

Героиня имеет прототип. Та девочка, судьба которой положена в основу сюжета, выжила. Выстояла. Не согнуло ее сиротство со всеми его тяготами. Ей и посвящена повесть. Это Евгения Ивановна – жена Василия Ивановича. Лишняя себя свободной минуты, выучилась: работала учителем начальных классов. На встрече со студентами пединститута она рассказывала о горькой доле ребенка, оставшегося в пустоте. Больше всего печалило пожилую женщину то, что не осталось ни могил, ни крестов родных.

Мой дед, строивший мельницы на Южном Урале, за собственную мельницу тоже перековывался, вернее, перемалывался семь лет. Магнитка, Комсомольск-на-Амуре. Он молился Варваре Троеручнице, чтобы она его принакрыла от черной несправедливости тремя руками. В снеговой землянке просил святую заступиться за его пятерых детей, выпрыгнутых из дому.

В повести нет ничего надуманного, все выверено жизнью. Задерживается читательское внимание на тихой смерти младшей Болдыревой, Любоньки. В предсмертные дни она отказывается от еды, пусть самой немудрой. «Хочу маму», – одно желание. Любе было восемь лет. Похоронили ее в братской могиле. Читается повесть с интересом, зовет к раздумьям. И это главное.

Давным-давно в необъятных, непроходимых лесах, которые простирались за Камнем, в большой лесной семье родилась маленькая Куничка. Вся семья полюбила эту темноглазую любопытную девчушку. Несли ей подарки: Лисичка – пригоршню хитрости, Зайчик – криночку осторожности, Белки – лукошко ловкости, Сова – листочек мудрости, Медведь – бочонок смелости, а Мама с Папой – любовь родительскую. Росла Куничка, и хотелось ей все увидеть, везде побывать. Дружно жилось обитателям леса.

Но вот однажды пришел на берег реки незнакомец. Стран-

11 лет, МБУДО «Дом детства и юношества «РИТМ», город Шадринск, краеведческий клуб «Мы - шадринцы»

Валерия ЗАСЫПКИНА

КУНИЧКА

ный он был: ходил на двух лапах, а не на четырех, имел палку, которая своей смертельной крупинкой губила многих зверей. «Будь осторожна, – говорила Куничке Мама, – не уходи далеко от дома». «Не ходи близко к Человеку, его опасайся», – предупреждал Отец. Однажды услышала она от Человека слова: «Богата земля эта рыбой и зверями. Красивый у них мех, вкусное мясо». Трудные времена на-

стали для лесных жителей. Многих своих соседей и друзей потеряла Куничка. Маленького зверька, как маленьких детей, влекло изучение неизвестного, опасного, запретного. Так влекло ее незнакомое зимовье Человека.

«Куничка, будь осторожна, – напоминала ей Мама. – Не играй поблизости от зимовья. Человеку нравится наш мех. Мне будет больно, если он погубит тебя». «Я ничего не боюсь,

подарки моих друзей всегда помогают мне. Я прыгаю дальше всех, забираюсь на деревья выше всех, и на синем небе мой мех ирает в солнечных лучах. Я буду очень внимательной, мама».

Шли годы... Однажды в тишине леса раздались стуки топоров и визг пил. Куничка осторожно пробралась к полянке. Там она увидела много людей, которые что-то мастерили. Каждый вечер Куничка садилась на

сук высокой сосны и наблюдала за строительством. Осмелилась она пробраться и на высокий забор и оттуда смотрела на людей. Даже лай собак не пугал её. Куничка мечтала: «Не будут люди на меня охотиться, а будут любоваться моим мехом, моей прыткостью, буду я прыгать с дерева на дерево высоко над людьми».

Сбылись мечты маленькой Кунички. Жителям городка понравилась эта маленькая, юркая Куничка, выбрали они её своим символом. Летит она, устремившись вперед, на голубом фоне городского флага, и на серебряном фоне герба её золотой мех далеко виден.

КАРГАПОЛЬЦЕВА Анастасия Андреевна

Родилась в Половинском районе. Училась в Сумкинской средней школе. Студентка 2 курса филологического факультета Курганского государственного университета.

* * *

Рыжей метлой с тротуаров и улиц
Листья сметала холодная осень.
Прутья от ветра ломались и гнулись.
Рыжую голову тронула проседь.

Руки ломило от ветра и стужи.
Люди бежали все мимо и мимо -
Глаза отводили и прятали в лужи.
Все по обычному. Невыносимо.

В лужах тонули глухие проблемы,
Делая воду до ужаса серой.
И непонятно: зачем мы и где мы?
Кто перепутал неверие с верой?

НОЧЬ

Комната спит. Выключен свет.
Голову спрятав в подушку,
Сладкий вкусив маковый цвет,
Спит дорогая подружка.

Я не усну: светит луна,
Звезды рассыпаны в небе.
Сказочной стала ночная страна!
Выскочить, выпрыгнуть мне бы!

К дому напротив летит самолет?
Нет! Я и вижу, и слышу:
Карлсон банку варенья несет
В домик зеленый на крышу.

Я не усну, и до утра,
Взор обращая к небу,
Я из распахнутого окна
Выскочу, выпрыгну в небо!

* * *

Ты рисовала пальцами на песке.
Я подбирала листья в пыли дорожной.
Сонечным светом ты улыбалась мне,
Ела свое мороженое.

Таял его вафельный аромат,
Мир оглушая сочным теплом лета,
Ты так умело ставила жизни мат.
Ты была здесь.
Я тоже была...
Где-то.

СТОБОЙ, ХИРОСИМА

Каменный взгляд
С высоты птиц.
Люди горят.
Дети горят.
Тысячи лиц
Не возвратятся.
Сотни слились
В окровавленный ад.
Что вы стоите?
Бейте в набат!
Где ты, маленький, миленький брат?
Где ты, сестренка моя?
Где ты, еда и вода?
Крики и стоны над миром летят,
В пепел сметая года.

И день за днем
Черным крылом
Ангела смерти задет.
Строгий упрек -
Выжженный дом
Смотрит со снимков газет.

ПОДМУЗЫКУ И.С. БАХА

Тонут звуки в тишине -
В темном бархате глубоком,
Стынут капли на окне
Ровным ледяным потоком.

Гаснут искры тихих нот,
Проживая миг звучанья,
Порождая мысли ход
И неясные мечтанья.

Совершенен звуков мир
Отрешенный и прекрасный,
Погруженный в звоны лир,
Окрыленный чувством ясным.

Сыплется песок в часах:
Вместе с музыкой уходит
Навсегда мгновений прах,
Что с собою жизнь уводит.

Лишь творениям дано
Обессмертить впечатленья
Нас покинувших давно
Слуг покорных вдохновенья.

ПРИВЕТСТВИЕ БЕАТРИЧЕ

Забыв весь мрак и тлен столетий,
Отбросив жизни суету,
В идее старой красоты
Я вижу вновь при ярком свете...

В прохладе стен цветы сияли,
И зарождался майский день,
В котором воздух и тучь тень
Небесный гром уж предвещали.

По камню улицы старинной
Ступал задумчивый поэт,
Глядя, как шестует терцет
Из дам, красой сиявших дивной.

И в белоснежный цвет одета,
Явилась зрению Она -
Как долгожданная весна
И провиденье для поэта.

В тот час он взор мадонны встретил,
Учтивостью что полон был,
Но он волненье пробудил
В душе, удел которой светел.

Шамсутдинова Лидия Германовна

Родилась в городе Кургане. В 2013 году закончила Курганский музыкальный колледж им. Шостаковича по классу аккордеона. В 2018 году получила диплом о высшем образовании Курганского государственного университета по направлению «Документоведение и архивоведение». Продолжаю свое обучение в магистратуре КГУ по направлению «Философия».

И пред смущенными очами
Благословенен был поклон,
Как будто лучезарный сон
Слова приветствия звучали.

Душа поэта возносилась
К пределам рая в этот миг,
Но отвернув свой светлый лик,
В дали мадонна растворилась...

Ночные молнии сверкали,
И рокотал далёкий гром,
Когда забывшемуся сном,
Судьбы видения предстали:

Отныне все небес величье
Воспеть был Данте обречён,
Своей любовью обручён
С служеньем верным Беатриче.